

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 13

Стук в стене

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Стук в стене

«Автор»

2026

Карадениз М.

Стук в стене / М. Карадениз — «Автор», 2026

Она сняла квартиру в старом доме в центре Твери. Тихий переулок, дешёвые стены, за стеной — пустая квартира, запертая на замок уже десять лет. В первую же ночь Вера услышала стук. Короткий, длинный, пауза. Снова. Ритмично, осмысленно. Она узнала азбуку Морзе. Кто-то за стеной передавал ей сообщение. Первое слово: «СМОТРИ». Вера начинает искать. Она находит старую фотографию матери с перечёркнутым лицом, детскую медицинскую карточку на имя незнакомой девочки и письмо, которое не должно было сохраниться. Кто-то за стеной знает правду. Кто-то ждал её десять лет. Кто-то ждал, когда она придёт. Но стены хранят не только тайны. В них живут те, кого не должно быть. И чем ближе Вера к разгадке, тем громче стук. «ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. ТОЧКИ И ТИРЕ	10
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	19
Г	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Стук в стене

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Ночь. Тверь. Дом на Трёхсвятской. Вера не спит.

Она лежала в кровати уже третий час, глядя в потолок, считая трещины. Переезд выбил её из колеи. Новая квартира пахла чужими людьми — старыми обоями, пылью на батареях, затхлостью из вентиляции. Она поменяла замки, протёрла полки, выбросила остатки чьей-то жизни из шкафов, но запах оставался. Запах времени.

Риелтор был краток: «Квартира дёшево, потому что соседи старые, дом аварийный, через год капремонт. Ну и за стеной пусто — никто не живёт, собственник пропал лет десять назад». Вера кивнула. Ей нужна была крыша над головой, а не история. Она работала копирайтером на удалёнке, деньги считала, цены в Твери кусались. Эта квартира — на Трёхсвятской, в центре, с высокими потолками и старыми окнами — была удачей. Даже с пустой стеной.

Вера зажмурилась. Завтра нужно было сдать статью про котельные, редактор ждал. Но сон не шёл. Она слышала, как за окном шуршат шины по мокрому асфальту, как капает вода в батарее, как тикает счётчик на лестничной клетке. Слушала, привыкала.

В 2:17 стук пришёл.

Тук.

Она не поняла сначала. Подумала — ветка ударила в стекло. Или трубы. Старый дом, всё стучит.

Тук-тук.

Пауза.

Тук-тук-тук.

Вера села. Сердце ударило по рёбрам. Она затаила дыхание и прислушалась.

Тишина. Только ветер за окном и гул в трубах. Она перевела взгляд на стену. Обои в бледно-розовый цветочек — она не стала их переклеивать, решила, что сойдёт. Трещина змеилась от плинтуса почти до потолка. Вера смотрела на неё и ждала.

Стук вернулся. Теперь другой ритм. Три удара, пауза, два, пауза, один. Чётко, как диктовка.

Она потянулась к тумбочке, нащупала блокнот и ручку. Включила лампу — жёлтый свет резанул по глазам. Записала: три, два, один. И снова: три, два, один. Стук повторился в точности. Кто-то за стеной выбивал ритм. Осмысленно.

Вера замерла, глядя на цифры. В голове всплыло что-то давнее — факультатив в институте, радиотехника, лысый преподаватель с потными ладонями. Он заставлял их учить азбуку Морзе. «Бесполезно, — говорил он, — но в критической ситуации спасёт жизнь». Она тогда смеялась. Теперь не смеялась.

Она начала переводить. Три коротких удара — это буква С. Два коротких — И. Один короткий — Е. Получалось С-И-Е. Снова три — С, два — И. С-И-Е-С-И. Бессмыслица. Она перечитала, нахмурилась. Может, ошиблась? Она не помнила всю таблицу, только базовые знаки. Но три точки — точно С, две — И, одна — Е.

СИЕСИ. Слово, которого нет.

Она смотрела на запись, водила пальцем по бумаге. И вдруг, словно кто-то вставил недостающие буквы в мозг, она увидела иное. Если три — это три коротких, С. Два — две точки, И. Три — снова С. Один — Е. Два — И. Это С-И-С-Е-И. Но если прочитать не как буквы, а как звуки? «Си-се-и»? Нет. «С-с-с»? Нет.

Она переставила. СИ — С. Е — Е. СИ — С. СИЕСИ. Может, наоборот? ИСЕИС. Тоже нет.

Она откинулась на подушку, прикрыла глаза. Стук стих. Она слушала тишину, стараясь уловить что-то за стеной — дыхание, шаги, шорох. Ничего.

Она попробовала ещё раз. Взяла блокнот, записала все варианты, которые помнила из азбуки. Три удара — С. Два удара — И. Один — Е. С-И-Е-С-И. Слова не выходило.

Но вдруг она поняла: стучали не буквами. Стучали звуками. Ритм. Три-два-один-три-два. Если не переводить в буквы, а просто произнести как слоги: «три-два-один-три-два». «Три» — похоже на «смо»? Нет. «Два» — похоже на «три»? Нет.

Она села, взяла ручку, записала словами: три, два, один, три, два. И произнесла вслух: «Три-два-один-три-два». И вдруг услышала: «Смотр-и». С-М-О-Т-Р-И. СМОТРИ.

Она замерла. Она не знала, как мозг соединил эти цифры в слово. Но слово было здесь, в воздухе, висело перед ней. СМОТРИ.

Вера медленно повернула голову к стене. Обои в цветочек. Трещина. Пустота за стеной. Или не пустота.

Она встала с кровати, подошла к стене. Приложила ладонь к холодной штукатурке. Трещина была тёплой. Странно, но факт — под пальцами чувствовалось дыхание. Едва заметное, как будто за стеной кто-то дышал. Она отдернула руку. Тишина. Ни звука.

Вера отошла, села на край кровати. Смотрела на стену. Сердце стучало громче, чем любой стук. Она не верила в призраков, в мистику, в потустороннее. Она верила в логику. За звуком всегда есть источник. За стеной есть кто-то живой.

Но кто? И как он там оказался?

Риелтор сказал: квартира 12 пустует десять лет. Дверь заперта, замок сгнил, ключей нет. Она сама проверяла — дёрнула ручку, та не поддавалась. В замочную скважину ничего не вставлялось — она забита грязью и ржавчиной. Войти туда невозможно. И выйти — тоже.

Значит, человек, который стучал, был внутри. Заперт. Или прятался.

Вера подошла к стене снова, на этот раз осторожно, будто стена могла взорваться. Коснулась пальцами обоев, провела вдоль трещины. Обои были сухими, старыми, с желтоватыми разводами. Она подумывала их переклеить, но руки не дошли. Теперь она жалела — если бы сняла обои, может, увидела бы что-то.

Она взяла блокнот, записала слово большими буквами: СМОТРИ. Посмотрела на потолок. Смотреть куда? На стену? На окно? На пол?

Она оглядела комнату. Кровать, тумбочка, шкаф, стол, окно с гардинами. Всё на своих местах. Ничего нового. Она проходила по комнате, открывала шкаф, заглядывала за шторы, под кровать. Ничего. Только пыль и вещи, которые она перевезла из своей старой квартиры в Москве. Всё чужое — знакомое.

Она остановилась у окна. Посмотрела на улицу. Трёхвятская в ночи была пустой — ни машин, ни прохожих, только фонари желтели через равные промежутки. В доме напротив горели два окна. Там кто-то тоже не спал. Она смотрела на свет, на силуэты за шторами. Может, стучал сосед? Но стучали из стены — между её квартирой и пустой.

Она повернулась к стене, приложила ухо. Тишина. Но она слышала, как внутри стены что-то гудит — ровный, низкий звук. Не трубы. Она слышала трубы — они стучали иначе, металлически, периодически. Это было иное.

Вера отошла от стены, включила настольную лампу ярче. Свет разогнал тени, комната стала обычной — уютной, даже слишком. Сел на кровать, взяла блокнот. Перечитала слово: СМОТРИ. Смот-ри. Смотреть. На что?

Она снова подняла глаза на стену. Обои. Цветочки. Бледно-розовые бутоны на сером фоне. Трещина от плинтуса. И вдруг она заметила — на уровне её глаз, возле трещины, обои были чуть вздуты. Воздух под ними. Как будто за ними была пустота.

Она подошла, провела пальцем по вздутию. Обои поддались. Она подцепила край, потянула — бумага отошла с сухим хрустом. Под ней — штукатурка. Серая, шершавая. Ничего.

Но она потянула ещё. Обои пошли слоями, как старая кожа. Она сдирала их до тех пор, пока не открылась часть стены, размером с ладонь. Штукатурка была выщерблена. Кто-то долбил стену. Удары были старые — края осыпались.

Вера отступила. Смотрела на дыру. Маленькую, но глубокую. Она не могла заглянуть внутрь, но чувствовала, что за штукатуркой есть полость. Щель. Ход.

Она взяла блокнот, записала: «Обои вздуты. Под ними — выбоина. Старая». Спросила себя, зачем пишет. Просто чтобы не забыть.

Стук не возвращался. Прошло уже двадцать минут. Она стояла у стены, слушала тишину. Дом дышал сквозь щели в окнах. Где-то капала вода. За стеной — ничего.

Она отошла, села на кровать, устала в пол. Старый паркет — потёртый, со сколами, кое-где почерневший от влаги. Плинтус у дальней стены отошёл на пару сантиметров, и в щели чернела пустота.

Вера присела на корточки, провела пальцами по щели. Плинтус был старым, деревянным, краска облупилась. Она потянула за край — он поддался с сухим скрипом. Отвалился, оставив пыльный след на полу.

Она посмотрела на открывшееся пространство. Там, за плинтусом, была полость — пустота между стеной и полом. Глубокая, тёмная. Она сунула руку, пошарила пальцами. Пыль, паутина, сухие крошки. И бумага.

Вера нащупала плотный угол. Вытащила. Жёлтый конверт, запечатанный, но клей высох, клапан отходил сам. Никакой подписи, ни адреса, ни марки.

Она разорвала конверт, вынула содержимое. Фотография — старая, чёрно-белая, с выцветшими краями. Группа людей у подъезда. Тот же дом — она узнала кованую дверь, клумбу с засохшими кустами, табличку «17» над входом. Человек десять, стоят в два ряда. Все улыбаются. В первом ряду — женщина с тёмными волосами, в светлом пальто, худое лицо, высокие скулы. Её мать. Анна.

Вера узнала её мгновенно. По глазам. По линии губ. По тому, как она держала плечи — чуть назад, с достоинством. Мать. Которая умерла десять лет назад. Которую похоронили в закрытом гробу. Которой никогда не было в этой квартире — она снимала другой дом, на окраине. Или Вера так думала.

Лицо Анны было перечёркнуто красным крестом. Жирным, размашистым, фломастером или краской. Кто-то перечеркнул не просто лицо — жизнь. Вера смотрела на крест, и в груди что-то оборвалось.

Она перевернула фотографию. На обороте — тем же красным, тем же почерком: «СПАСИ ДОЧЬ».

Вера прочитала один раз, второй, третий. Спаси дочь. Чью дочь? У неё нет детей. Мать растила её одну, после того как отец ушёл, когда Вере было три года. Анна больше не выходила замуж. Дочь была одна — Вера.

Но на фотографии, рядом с Анной, стояла девочка. Лет десяти, в тёмном платье, с двумя косичками, с серьёзным взглядом. Вера не узнала её. Она точно не была собой в детстве — у неё были светлые волосы, а у этой — тёмные. Другое лицо.

Значит, у матери была ещё дочь. У неё была сестра. Которая сейчас где-то. И которую надо спасать.

Вера сжала фотографию в руке. Подняла глаза на стену. Обои, трещина, дыра, которую она начала отдирасть. За стеной — пустая квартира. Но в ней кто-то был. Кто-то стучал. Кто-то знал о матери и о другой дочери. Кто-то ждал, что Вера увидит.

Она встала, подошла к стене, приложила ладонь к трещине. За стеной было тихо. Но она чувствовала, что там, в пустоте, кто-то стоит. Дышит. Ждёт.

— Кто ты? — прошептала она в стену.

Ответа не было.

Вера отошла, села на кровать. Положила фотографию и конверт на тумбочку. Взяла блокнот, написала: «За стеной — кто-то. Стук — Морзе. Слово — СМОТРИ. Фото матери. Красный крест. Надпись — СПАСИ ДОЧЬ. У меня есть сестра».

Она посмотрела на часы — 3:42. До рассвета три часа. Она не знала, будет ли стук снова. Но знала, что не уснёт.

Она сидела на кровати, глядя на стену. Слушала, как ветер воев в вентиляции, как гудит проводка, как половицы вздыхают под соседями сверху. И ждала.

Стук не вернулся.

Но она знала: это не конец. Это только начало.

ЧАСТЬ 1. ТОЧКИ И ТИРЕ

ГЛАВА 1

Вера проснулась на рассвете.

Серый свет просачивался сквозь гардины, ложился на пол полосами. Она лежала неподвижно, глядя в потолок. В голове было пусто — ни снов, ни мыслей. Только одна картинка: стена, обои в цветочек, трещина.

Она повернула голову. Блокнот лежал на тумбочке, раскрытый на той же странице. Взяла его, перечитала слово, записанное ночью: «СМОТРИ». Крупно, торопливо, буквы дрожали. Вера провела пальцем по чернилам. Они высохли. Вчерашняя ночь была реальной. Не сон, не галлюцинация. Стук был. И стена ответила.

Она села, спустила ноги на холодный пол. Босые ступни коснулись паркета — шершавого, старого, со сколами. Вера поморщилась от холода. Встала, прошла в ванную. Открыла кран, подставила лицо под холодную воду. Ледяные струи ударили по коже, заставили вздрогнуть. Она выпрямилась, посмотрела в зеркало. Глаза обведены тёмными кругами. Кожа бледная, губы сухие. Она выглядела так, будто не спала неделю. Так и было — она не сомкнула глаз до пяти утра. Всё смотрела на стену, ждала стука. Он не вернулся. Тишина давила на уши, казалась плотной, почти осязаемой.

Вера вытерла лицо махровым полотенцем, заварила кофе. Запах молотых зёрен разлился по кухне, смешиваясь с запахом старого дерева и пыли. Жидкость обожгла горло, разлилась теплом по груди. Она стояла у окна, смотрела на Трёхсвятскую. Утро просыпалось медленно — редкие машины, женщина с сумкой у магазина, дворник с метлой, сгребаящий прошлогоднюю листву. Мир жил своей жизнью, пока она жила вчерашней ночью.

Вера повернулась и уставилась на пол. Паркет. Старый, тёмный, потрескавшийся. Квадратные дощечки кое-где отставали от основания, в щелях чернела пыль. Сколы и царапины прочерчивали поверхность картой времени. Она перевела взгляд на плинтус у дальней стены — тот самый, что она отодвинула ночью. Он стоял на месте, прижатый к полу. Но она знала: он не закреплён. Он просто лежит. Она сама отодвинула его в темноте и так же легко поставила обратно, не задумываясь. А теперь смотрела и вспоминала, как пальцы нащупали там конверт.

Она подошла, присела на корточки. Провела пальцами вдоль щели. Кончики коснулись пустоты. Вера потянула плинтус на себя — он отошёл легко, без звука, оставляя за собой пыльный след на полу. Под ним — темнота. Она снова сунула руку, пошарила. Пальцы нащупали бумагу. Она вытащила второй конверт. Точно такой же, как ночью — жёлтый, пыльный, запечатанный. Только этот был плотнее, тяжелее на вес. Она повертела его в руках, изучила со всех сторон. Ни адреса, ни имени, ни марки. Просто конверт.

Вера разорвала край, достала содержимое. Фотография. Чёрно-белая. Группа людей у подъезда. Тот же дом, та же кованая дверь, та же табличка «17» над входом. Люди стояли в два ряда, улыбались — мужчины в пиджаках, женщины в платьях, дети впереди. В центре — женщина. Тёмные волосы, светлое пальто, высокие скулы. Вера узнала её сразу. Анна. Её мать.

Лицо Анны было зачёркнуто красным крестом. Жирным, размашистым, яростным. Кто-то давил на фломастер с такой силой, что краска проступила на обратную сторону. Вера перевернула фотографию. На обороте — та же рука, та же красная надпись: «СПАСИ ДОЧЬ».

Она сжала снимок в руке. Края погнулись. Она разжала пальцы, расправила. Посмотрела на лица на фото. Рядом с Анной стояла девочка — лет десяти, в тёмном платье, с двумя косичками, с серьёзным взглядом. Вера не узнала её. Но теперь она знала: это не она. Это кто-то другой. Сестра. О которой она никогда не слышала.

Вера подошла к стене, приложила ладонь к трещине. Штукатурка под пальцами была холодной, но не мёртвой — она чувствовала вибрацию. Может, трубы. Может, ветер. А может, кто-то там, за стеной, стоял и ждал. Приложив ухо, она слушала. Тишина. Только гул проводки, и где-то далеко — скрип половиц этажом выше.

Она отошла, села на кухне, разложила перед собой две фотографии — ночную и утреннюю. Сравнила. На первой — та же группа, но Анна стоит левее, рядом с мужчиной. На второй — Анна в центре, рядом девочка. Даты? На оборотах ничего. Только надписи. Только красные буквы. «СПАСИ ДОЧЬ».

Вера взяла блокнот, записала: «У матери была ещё дочь. Моя сестра. Она жива? Где она? Кто её прячет? Кто стучит?»

Она смотрела на вопросы. Ответов не было. Только стена, обои, трещина и тишина за ней.

Вера отложила блокнот, допила кофе. Кофе остыл, горечь прилипла к языку. Она не чувствовала вкуса — только холод. Она посмотрела на часы. 8:42. Весь день впереди. И ночь тоже.

Она не знала, что делать дальше. Но знала, что не уйдёт. Она останется здесь, в этой квартире, и будет ждать следующего стука.

Вера встала, подошла к стене, коснулась обоев там, где начиналась трещина. Бумага была старой, хрупкой. Она поддела край ногтем — и обои отошли с сухим хрустом. За ними — серая штукатурка, выщербленная, потрескавшаяся. Она отодрала ещё кусок, потом ещё. Открылось пятно размером с ладонь. В середине — вмятина. Кто-то бил по стене. Не раз, не два. Много раз. Вмятина глубокая, края осыпались.

Вера провела пальцем по вмятине. Внутри — пыль, сухая, мелкая. Она поднесла пальцы к носу — пахло старым деревом, цементом, временем. Она достала телефон, сфотографировала стену, вмятину, обои, трещину. Закрыла галерею.

Села на пол, прислонилась спиной к стене. Смотрела на окно. Светлело. Город просыпался, за окном гудели машины, хлопали двери. Жизнь шла своим чередом. А она сидела на полу чужой квартиры, держала фотографию мёртвой матери и ждала, когда стена заговорит снова.

Вера поднялась, убрала фотографии в блокнот, конверты положила в ящик тумбочки. Заварила второй кофе. Съела бутерброд с сыром, не чувствуя вкуса. Прошла по квартире — маленькая, две комнаты, кухня, коридор. Заглянула в каждую комнату, под каждую кровать, в каждый шкаф. Ничего. Только пыль и вещи.

Она открыла шкаф в прихожей — пусто. Только вешалки, старая коробка из-под обуви, забытая предыдущими жильцами. Вера открыла коробку. Там лежали старые квитанции — счета за свет, за воду, за отопление. Адрес — Трёхсвятская, дом 17, квартира 12. Даты — десять лет назад. Фамилия — Морозова.

Морозова. Её мать. Анна Морозова.

Вера смотрела на квитанции. Анна платила за квартиру 12. Но риелтор сказал: там никто не живёт десять лет. Выходит, Анна жила там? Или просто снимала? Она перелистнула квитанции. Последняя была датирована сентябрём, десять лет назад. Через месяц Анна умерла. Несчастный случай — падение с лестницы. Похороны, закрытый гроб, слёзы. Вере тогда было тридцать два. Она приехала в Тверь, подписала бумаги, уехала. Не вникала. Не спрашивала. Не искала правду.

Теперь правда приходила к ней сама — стуком в стене.

Вера взяла квитанции, вышла в коридор. Подошла к двери, посмотрела в глазок. Пустая лестничная клетка. Серая, с облупившейся краской. Она открыла дверь, вышла на площадку. Посмотрела на дверь квартиры 12. Табличка поцарапана, номер почти не виден. Замок — ста-

рый, навесной, покрытый ржавчиной. Вера дёрнула ручку — заперто. Приложила ухо к двери. Тишина. Только ветер гулял в щелях.

Она повернулась и пошла к соседней двери — квартира 11. Нажала звонок. Длинный, дребезжащий звук. Шаги за дверью. Медленные, шаркающие. Дверь приоткрылась на цепочку.

В щели показалось лицо. Старуха, лет восьмидесяти. Морщинистая, с седыми волосами, собранными в пучок. Глаза выцветшие, но цепкие. Вера показала фотографию, приложив к стеклу.

— Вы знаете эту женщину? — спросила она. — Анна Морозова?

Старуха посмотрела на фото. Побледнела. Рука дрогнула на цепочке. Она быстро, почти испуганно, отодвинула задвижку и захлопнула дверь. Из-за неё донеслось:

— Не лезь. Тут люди пропадали.

Вера постояла у закрытой двери. Сердце забило быстрее. Она постучала — раз, другой. Тишина. Она прижалась лицом к двери:

— Пожалуйста, я не хочу вам зла. Я просто хочу понять.

Ни звука. Только скрип половиц внутри.

Вера отошла. Посмотрела на дверь квартиры 12. Дверь 11. И тут снизу, с лестницы, раздалась шаги. Медленные, тяжёлые. Кто-то поднимался. Металлический звук подошв о бетон.

Вера вжалась в стену у своей двери. Затаила дыхание. Шаги стали громче, ближе. Через секунду они затихли прямо у лифта — за углом. Кто-то стоял и дышал. Шумное, тяжёлое дыхание. Вера не видела лица, только край пальто — коричневого, старого, потёртого.

Она ждала. Мгновение. Другое. Дыхание не уходило. Потом шаги раздалась снова — но теперь удалялись, вниз, по лестнице. Затихли.

Вера выдохнула, разжала кулаки. Она даже не заметила, как сжала их до боли. Ладонь была мокрой от пота. Она снова посмотрела на дверь квартиры 12. Заперто. Но за стеной — кто-то есть. Она теперь знала это наверняка.

Вера вернулась в квартиру, закрылась на все замки. Села на пол у стены. Посмотрела на трещину. На обои, которые начала отдирает. На вмятину.

Она взяла блокнот и написала: «Сестра. Квартира 12. Анна жила там. Стук. Соседка боится. Шаги. Коричневое пальто.»

Она смотрела на слова. Рисунок складывался — но не полностью. Не хватало куска. Она перевела взгляд на стену.

И тогда она поняла: она должна войти в квартиру 12. Узнать, кто там. И почему мать держала это в тайне.

Она встала, подошла к стене, приложила ухо.

Тишина.

Но она знала — ночью стук вернётся.

Вера стояла у стены и ждала.

ГЛАВА 2

Вера вышла на площадку.

Дверь за спиной захлопнулась с глухим стуком. Она стояла в полумраке лестничной клетки, слушала, как затихает эхо. Свет над головой мигал — старая лампа накаливания, прикрученная к потолку, гудела и дрожала. Вера подняла глаза. Потолок был серым, с разводами, кое-где отвалилась штукатурка. Стены выкрашены в бледно-зелёный — когда-то, лет тридцать назад.

Она повернулась к двери квартиры 12. Табличка с номером была поцарапана — кто-то водил по ней ключом или ножом. Буквы почти стёрлись, но Вера разглядела: «12». Дверь массивная, старая, филёнчатая, покрытая тёмным лаком, который облупился и потрескался. Замок — навесной, тяжёлый, ржавый. Вера дёрнула ручку. Заперто. Она приложила ухо к двери, затаила дыхание.

Тишина. Только гул в трубах — вода перекачивалась где-то в стенах, да ветер свистел в щелях. Вера зажмурилась, вслушиваясь. Ни шагов, ни дыхания, ни стука. Пустота.

Она отступила на шаг, посмотрела на дверь 11. Напротив. Такая же старая, но ухоженная — без сколов, с новой ручкой, с глазком. Под глазком — маленькая табличка: «Галина Степановна». Вера нажала звонок. Дребезжащий, тонкий звук прорезал тишину.

За дверью раздались шаги. Медленные, шаркающие. Кто-то подошёл, остановился. Вера знала: старуха смотрит на неё в глазок. Она стояла неподвижно, глядя в чёрный кружок. Через несколько секунд дверь приоткрылась на цепочку.

В щели показалось лицо. Старуха лет восьмидесяти — кожа в морщинах, седые волосы собраны в тугий пучок, глаза выцветшие, но живые, цепкие. Она смотрела на Веру настороженно, словно ждала чего-то плохого.

— Вам кого? — голос скрипучий, с хрипотцой.

Вера достала из кармана фотографию, ту, что нашла за плинтусом. Приложила к стеклу.

— Вы знаете эту женщину?

Старуха посмотрела на фото. Вера видела, как изменилось её лицо — побледнело, стало серым, словно вся кровь отхлынула. Рука дрогнула на цепочке. Она перевела взгляд на Веру, потом снова на фото. И быстро, почти испуганно, задвинула задвижку.

— Не лезь, — донеслось из-за двери. Голос был глухим, дрожащим. — Тут люди пропадали.

Дверь захлопнулась. Звук замка — старый, металлический.

Вера стояла, глядя на закрытую дверь. Сердце колотилось. Она не понимала, что сказала не так. Просто спросила про мать. Про квартиру. А старуха побледнела и захлопнула дверь.

Вера постучала — раз, другой. Тишина.

— Пожалуйста, — сказала она в щель. — Я не хочу вам зла. Я просто хочу понять. Это моя мать. Она умерла десять лет назад. Я не знала, что она жила здесь.

Ни звука. Только скрип половиц внутри — кто-то ходил. Потом тишина. Старуха не отвечала.

Вера приложила ладонь к двери. Дерево было тёплым, старым, пахло лаком и пылью. Она стояла так несколько секунд, потом опустила руку, отошла.

Она снова посмотрела на дверь 12. Заперто. Но она знала, что за этой дверью — ответы. Или тот, кто стучал по ночам.

Она шагнула к квартире 12, присела, заглянула в замочную скважину. Чёрная, забитая грязью и ржавчиной. Ключ не войдёт. Вера выпрямилась, провела пальцами по косяку. Краска облупилась, под ней — старое дерево, серое от времени.

И тут снизу, с лестницы, раздались шаги.

Медленные, тяжёлые, металлические. Кто-то поднимался. Удары подошв о бетонные ступени — ритмичные, спокойные. Вера вжалась в стену, замерла. Шаги становились громче, ближе. Она посмотрела на перила — оттуда, снизу, поднимался силуэт.

Она не видела лица. Только край пальто — коричневого, старого, потёртого. Подол касался ступеней. Шаги дошли до её этажа и затихли. Кто-то стоял за углом, у лифта. Вера не дышала. Слышала, как стучит сердце в горле, как пульс гудит в висках.

Дыхание. Тяжёлое, шумное. Кто-то дышал в нескольких метрах от неё, за углом. Вера не двигалась. Смотрела на стену, на облупившуюся краску, на пятна сырости. Она знала, что должна посмотреть. Но ноги не слушались.

Дыхание продолжалось. Потом шаги раздались снова — теперь вниз, удаляясь. Металлический стук — ступенька, другая, третья. Затихли.

Вера выдохнула. Она не заметила, как задержала дыхание. Лёгкие горели. Она прислонилась спиной к стене, закрыла глаза. Чёрные пятна танцевали под веками.

Она открыла глаза. Посмотрела на лестницу. Пусто. Никого. Только свет внизу мигал, как и наверху. Она сделала шаг к перилам, заглянула вниз. Никого. Ни звука.

Но она видела край пальто. Коричневого. И слышала дыхание — тяжёлое, хрипкое. Кто-то стоял на её этаже и смотрел на неё, пока она стояла у двери квартиры 12.

Вера вернулась к своей двери, открыла ключом, зашла внутрь. Захлопнула, замкнула все замки. Прислонилась к двери, прикрыла глаза. Сердце всё ещё колотилось.

Она отошла от двери, прошла на кухню. Налила воды из-под крана, выпила залпом. Холодная, металлическая. Она поставила стакан, села за стол. Достала блокнот, записала: «Шаги. Коричневое пальто. Прятался за углом. Дышал. Смотрел на меня.»

Она перечитала. Провела рукой по волосам. Они были влажными от пота. Она не заметила, как вспотела — так сильно испугалась.

Вера взяла телефон, набрала номер риелтора, который сдал ей квартиру. Гудки. Длинные, с перебоями. Трубку взяли на пятом.

— Алло? — голос сонный, хриплый.

— Здравствуйте, это Вера Андреевна. Вы сдавали мне квартиру на Трёхсвятской.

— Да, помню. Что-то случилось?

— Скажите, вы знаете, кто жил в квартире 12? Ну, та, что пустует?

На том конце повисла тишина. Вера слышала, как риелтор дышит в трубку.

— А зачем вам?

— Мне просто интересно. Соседка упомянула.

Риелтор кашлянул.

— Там жила женщина. Лет десять назад. Фамилия Морозова. Анна. Она снимала квартиру, потом умерла. Несчастный случай. С тех пор квартира пустует. Собственник не объявился.

— У неё была дочь? — спросила Вера.

Риелтор замаялся.

— Не знаю. Я её не видел. Мы общались по телефону. Она оплачивала счета, но потом перестала. Квартиру опечатали.

— Кто опечатывал?

— Слесарь из домоуправления. Виктор Степанович. Он работает в нашем доме, живёт на первом этаже. Может, он знает больше. Вы с ним поговорите.

Риелтор назвал номер квартиры. Вера записала.

— Спасибо. И ещё — вы не знаете, почему она умерла? То есть, что именно случилось?

— Падение с лестницы, — коротко ответил риелтор. — Травма головы. Скорая констатировала. Дело закрыли. Так что не ищите там ничего, Вера Андреевна. Прошлое есть прошлое.

— Спасибо, — сказала она.

Положила трубку. Смотрела на номер, который записала в блокноте: квартира 2. Виктор Степанович. Слесарь.

Вера встала, подошла к окну. Посмотрела вниз. Во дворе никого. Только старый «Москвич», серый от пыли, стоял у подъезда. Она повернулась, посмотрела на стену. Трещина, обои, вмятина.

Она решила: завтра она пойдёт к слесарю. Спросит про Анну, про квартиру, про дочь. Про всё.

Она подошла к стене, приложила ладонь к трещине.

— Я вернусь, — прошептала она.

Стук не раздался.

Но Вера знала: ночью он придёт.

Она села на пол, прислонилась спиной к стене, закрыла глаза. Ждала. Тишина была плотной, тяжёлой. Только ветер за окном да гул в трубах.

И где-то в доме — шаги. Медленные, тяжёлые. Они шли по этажам, искали, поднимались.

Вера открыла глаза. Посмотрела на дверь. Заперто. На окно. Закрыто.

Но шаги были рядом.

Она встала, подошла к двери, приложила ухо. Тишина. Ничего. Только её собственное дыхание.

Она отошла, села на кровать. Посмотрела на стену.

Стук не вернулся.

Но она знала — он ждал. Как и тот, кто стоял за углом. Как и та, кто за стеной.

Вера ждала следующей ночи.

ГЛАВА 3

Вера спустилась на первый этаж.

Лестница скрипела под ногами — каждая ступенька жаловалась на вес, на время, на пустоту. Она держалась за перила, старые, деревянные, покрытые слоями краски. Спускалась медленно, всматриваясь в темноту пролётов. На втором этаже горела лампа, на первом — нет. Свет падал из подъездной двери, от уличного фонаря.

Она вышла в холл. Маленький, тесный — три метра на три. Стены выкрашены в зелёное, облупившееся, с потёками. У входа — столик, на нём горшок с засохшим цветком. Рядом — кресло. В нём сидела женщина.

Лет семидесяти, в сером платке, с вязанием в руках. Спицы двигались быстро, мерно — носок, или шарф, Вера не разглядела. Женщина подняла голову, когда Вера остановилась у неё. Глаза — светлые, выцветшие, но внимательные. Она смотрела на Веру без удивления, будто ждала её.

— Здравствуйте, — сказала Вера. — Вы Зоя Павловна?

Женщина кивнула, не переставая вязать.

— Я консьержка, да. Вы новенькая? Из третьего?

— Из тринадцатой, — Вера достала фотографию. — Я хочу спросить у вас об этой женщине.

Она протянула снимок. Зоя Павловна отложила вязание, взяла фото. Посмотрела. Пальцы дрогнули. Лицо изменилось — стало бледным, серым, как у старухи с четвёртого этажа. Она долго смотрела на фотографию, на зачёркнутое лицо, на девочку рядом.

— Откуда у тебя это? — голос её был шёпотом.

— Нашла в квартире. За плинтусом.

Зоя Павловна поднесла фото ближе к глазам, провела пальцем по красному кресту.

— Ты похожа на неё, — сказала она. — На Анну. Такая же худая, такие же глаза. Я сразу заметила, когда ты въехала. Думала, показалось. А ты её дочь.

— Да, — Вера села на корточки рядом с креслом. — Расскажите мне о ней. Пожалуйста.

Зоя Павловна молчала. Смотрела на фото. Потом сказала, всё так же шёпотом:

— Она жила в двенадцатой. Снимала. Хорошая женщина. Тихая, никому не мешала. Работала в библиотеке, на Ленинградской. Каждый день в восемь утра выходила, в шесть возвращалась. В выходные гуляла с дочкой — в сквере, у фонтана.

— С дочкой? — переспросила Вера. — У неё была дочь?

Зоя Павловна подняла глаза.

— А ты не знала? Она не говорила тебе?

— Я не знала, что она здесь жила. Она умерла, когда мне было тридцать два. Я приехала на похороны, подписала бумаги и уехала. Она никогда не говорила мне про Тверь. Про эту квартиру. Про дочь.

Зоя Павловна покачала головой.

— У Анны была дочь. Оксана. Десять лет ей было. Маленькая, серьёзная. Всё с мамой, всё за руку. А потом Анна упала с лестницы. На третьем этаже. Скорая сказала — травма головы. Несчастный случай.

Она замолчала. Спицы застыли в руках.

— Я не верю, что она упала, — тихо сказала она. — Я знаю Анну. Она была осторожной, не пила, не спотыкалась. Она боялась высоты. И вдруг — падение. С третьего этажа. Нет.

— Что вы видели?

Зоя Павловна оглянулась на дверь подъезда, на лестницу, на почтовые ящики. Убедилась, что никто не смотрит.

— Я слышала крик, — сказала она. — Короткий, резкий. А потом удар. Я выбежала — она лежала на площадке. Кровь. Много крови. Я вызвала скорую. Пока ждала, на лестнице стоял мужчина. В коричневом пальто. Смотрел на меня, потом ушёл.

— Кто это был?

— Я не знаю. Но он хромал. На правую ногу.

Вера вспомнила шаги на лестнице. Тяжёлые, медленные. Хромые? Она не заметила. Зоя Павловна перевела взгляд на фотографию. Красный крест.

— А кто зачеркнул её? — спросила Вера. — Кто это сделал?

Зоя Павловна побледнела ещё сильнее. Быстро, почти судорожно, она спрятала фотографию в карман своего жилета.

— Не спрашивай, — прошептала она. — И не показывай это никому. Никому, слышишь? Если кто-то увидит, что ты носишь это фото...

— Что сделает?

— Ты не хочешь знать. Просто спрячь. Или отдай мне. Я сохраню.

Вера хотела возразить, но Зоя Павловна уже завязала карман и взялась за спицы. Спицы застучали с новой силой.

— Уходи, — сказала она, не поднимая глаз. — И не приходи с этим больше.

Вера стояла на месте. Смотрела на консержку. Она хотела спросить про Оксану, про коричневое пальто, про Виктора Степановича. Но Зоя Павловна молчала, глядя в вязание.

— Спасибо, — тихо сказала Вера.

Повернулась и отошла.

Она направилась к почтовым ящикам. Рядом с подъездной дверью — стена, в ней ниши. Десять ящиков, старые, жестяные, с номерами квартир. На некоторых — таблички с фамилиями. Вера пробежала глазами. Семёнов, кв. 5. Кузнецова, кв. 8. Орлов, кв. 3. И один — на самом верху, с табличкой: «Виктор Степанович Громов, кв. 2».

Под ней, шариковой ручкой, кто-то дописал: «Слесарь».

Вера замерла. Смотрела на фамилию. Громов. Тот самый слесарь. Который опечатал квартиру 12. Который мог знать о матери.

Она повернулась к двери квартиры №2. Она была прямо напротив почтовых ящиков, слева от входа. Обычная, такая же, как все, но ручка блестела — новенькая. Вера сделала шаг к двери. И в тот же миг дверь открылась.

На пороге стоял мужчина. Лет шестидесяти, седой, коренастый. В старой клетчатой рубашке, заправленной в брюки. На руках — мозоли, следы многолетней работы. Лицо крупное, с мягкими чертами, но глаза — холодные, оценивающие. Он улыбнулся. Широко, доброжелательно.

— Я Виктор Степанович, — сказал он. — А вы новенькая, да? Из тринадцатой? Я вас видел, когда завозили вещи. Заходите, чай пить.

Он посторонился, придерживая дверь. Внутри, за его спиной, пахло старым деревом, махоркой, варёным картофелем.

Вера замешкалась. Посмотрела на него, на его улыбку, на мозолистые руки. На дверь, которая открылась в тот самый момент, когда она подошла.

— Спасибо, — сказала она. — Я, наверное, не сейчас.

— Ну что вы, — Виктор Степанович шагнул вперёд, в холл, улыбка не сходила с лица. — Соседи должны знакомиться. Тем более я слесарь, если что — я всегда помогу. В доме старые трубы, вечно текут.

Он посмотрел на почтовые ящики, на её руку, где она сжимала ключи. Потом на её лицо.

— Вы похожи на Анну, — сказал он тише. — На Анну Морозову. Она тоже снимала здесь квартиру. Тоже новая была. Тоже ходила с этим лицом.

Вера замерла. Он знал Анну. Знал, что она похожа. Знал, что она из тринадцатой.

— Вы знали мою мать? — спросила она.

Он кивнул, не переставая улыбаться.

— Знал. Хорошая женщина. Жаль, что так вышло. Несчастный случай. На лестнице поскользнулась. Я тогда вызвал скорую. Но было поздно.

Вера смотрела на него. Он был спокоен, мягок, даже участлив. Но внутри неё что-то сжалось. Она не знала, что именно — может, его улыбка, которая не касалась глаз. Или то, как он упомянул скорую. Или то, что он стоял у открытой двери и ждал, пока она подойдёт.

— Спасибо, — сказала она. — Я найду как-нибудь.

Она развернулась и быстро пошла к лестнице. Слышала за спиной его голос:

— Я всегда здесь. Если что — звоните. Дверь открыта.

Вера поднималась по лестнице. Ступеньки скрипели, эхо разносилось по подъезду. На втором этаже она остановилась, перевела дыхание. Прислонилась к стене, прикрыла глаза.

— Ты похожа на Анну, — повторила она шёпотом.

Взяла себя в руки, поднялась на третий этаж. Подошла к своей двери, вставила ключ. Замок щёлкнул. Она зашла внутрь, закрылась, задвинула засов. Прислонилась спиной к двери.

Тишина. Только сердце стучало в ушах.

Она прошла в комнату, подошла к стене. Обои в цветочек, трещина, вмятина. Она приложила ладонь к холодной штукатурке.

— Я знаю, что ты там, — прошептала она. — Я узнаю, кто ты. И кто убил мою мать.

За стеной было тихо. Но Вера знала: она не одна.

ГЛАВА 4

Вера стояла у двери квартиры №2 пять минут, прежде чем постучать.

Она смотрела на облупившуюся краску, на новенькую ручку, на щель под дверью, откуда тянуло запахом махорки и старого дерева. Пальцы сжимали ключи. Она думала о том, что сказала Зоя Павловна: «Не спрашивай. И не показывай это никому». И о том, что сказал Виктор Степанович: «Я вызвал скорую. Но было поздно».

Вера постучала.

Дверь открылась сразу, будто он стоял за ней и ждал. Виктор Степанович улыбался той же широкой улыбкой. На нём был тот же клетчатый халат, руки в карманах. Он посторонился, пропуская её.

— Заходите, заходите. Я как раз чайник поставил.

Вера перешагнула порог. Квартира была маленькой — кухня, совмещённая с комнатой, одна дверь в спальню, прихожая заставлена шкафами. Пахло так, как она и чувствовала из коридора — махоркой, деревом, варёной картошкой, ещё чем-то сладким, приторным. Старые обои в полоску, потолок пожелтел от времени, на полу линолеум, потёртый, кое-где дырявый. В углу — старый телевизор, чёрно-белый, с антенной.

Виктор Степанович прошёл на кухню, загремел посудой. Вера осталась стоять у входа, оглядываясь. На стене, напротив дивана, висели фотографии. Несколько рамок, старых, деревянных. Она подошла ближе.

На одной — группа людей. Вера узнала подъезд своего дома, ту же кованую дверь, ту же клумбу. Те же лица, что на фотографии, найденной за плинтусом. Только Анна здесь была моложе — лет тридцать, с короткой стрижкой, улыбалась. Рядом с ней стоял мужчина. Молодой, коренастый, с густыми волосами. Виктор Степанович. Он обнимал Анну за плечи. Оба смеялись.

Вера смотрела на фото. Мать смеялась. Она редко видела мать смеющейся. В памяти — уставшее лицо, синяки под глазами, вечная спешка на работу. А здесь она была другой. Лёгкой, счастливой.

— Это мы, — раздалось за спиной. Виктор Степанович стоял с двумя кружками в руках. — Давно, лет двадцать назад. Анна только въехала. Помогал ей с переездом. Хорошая была женщина.

Он поставил кружки на стол — старый, покрытый клеёнкой. Жёлтый чай, пар поднимался.

— Вы похожи на неё, — сказал он, садясь. — Тот же взгляд. Такая же худая, серьёзная. Она тоже въехала, когда ей было под сорок. Одна, с дочкой. Ни мужа, ни родственников. Говорила, что так спокойнее.

Вера села напротив. Кружка была горячей, обжигала пальцы. Она не пила, просто держала, смотрела на фотографию.

— Что с ней случилось? — спросила она тихо.

Виктор Степанович пожал плечами. Взял свою кружку, отхлебнул, крикнул.

— Упала, — сказал он. — Несчастный случай. На лестнице, на третьем этаже. Поскользнулась, ударилась головой. Я тогда был внизу, в подвале, трубы проверял. Услышал крик, выбежал — она уже лежала. Вызвал скорую. Приехали быстро, но поздно. Травма тяжёлая.

Он покачал головой.

— Такая молодая, такая красивая. Жалко. Очень жалко.

Вера смотрела на его руки. Крупные, с толстыми пальцами, с мозолями на ладонях и костяшках. Руки слесаря, который всю жизнь держал гаечные ключи, трубы, молотки. Руки

сильные, грубые. Она представила, как эти руки сжимают молоток. Как поднимаются. Как бьют.

Она отогнала картинку.

— У неё была дочь, — сказала Вера. — Оксана. Куда она делась?

Виктор Степанович нахмурился. Поставил кружку, посмотрел в окно. Свет падал на его лицо, и Вера увидела морщины у глаз, седые волосы на висках. Он казался старше, чем минуту назад.

— Оксана, — повторил он. — Девочка. Тихкая, серьёзная. После смерти матери её забрали в интернат. Я слышал, она уехала из Твери. Куда — не знаю. С тех пор никто её не видел.

— Вы знали её?

— Знал. Она часто сидела у меня, когда мать была на работе. Я чай ей наливал, печенье давал. Хороший ребёнок. Жалко, что так вышло.

Вера молчала. Пальцы сжимали кружку. Она хотела спросить про красный крест, про фотографию, про надпись «Спаси дочь». Но что-то останавливало. Она смотрела на Виктора Степановича, на его добрую улыбку, на его руки, на фотографии на стене.

— Вы знаете, кто мог зачеркнуть её лицо на фото? — спросила она осторожно.

Виктор Степанович замер. Улыбка исчезла.

— Какое фото?

— То, что я нашла. За плинтусом. Старое, чёрно-белое. Анна в центре. Лицо зачёркнуто красным.

Он долго молчал. Смотрел на стол, на свои руки, на кружку. Потом медленно поднял голову.

— Не знаю, — сказал он тихо. — Может, дети. Или кто-то из соседей. Многие злились на Анну. Она была... странной. Много знала, много видела. Не всем это нравилось.

— Что значит — много знала?

— Она работала в библиотеке. Читала много. Говорила, что в доме что-то не так. Что за стенами кто-то есть. Я считал, что это нервы. Переезд, одиночество. А она боялась. Всегда закрывала дверь на два замка. Окна запирала. Даже ко мне в гости не заходила — говорила, что следит за ней кто-то. Я не верил.

Вера смотрела на него. Она видела, как он говорит — спокойно, ровно, без эмоций. Как будто рассказывает историю, а не жизнь.

— Кто за ней следил?

— Не знаю. Она не говорила. Только однажды сказала: «Виктор Степанович, если со мной что-то случится, скажите Оксане, чтобы она уехала. Подальше. И не возвращалась». Я спросил почему. Она не ответила. Через неделю она упала с лестницы.

Тишина повисла в комнате. Вера слышала, как тикают часы на стене — старые, с маятником. Как за окном шумит ветер. Как дышит Виктор Степанович — ровно, глубоко.

Она подняла глаза на него. Он сидел, опустив голову, и смотрел в кружку.

— Я хочу найти Оксану, — сказала Вера. — Мою сестру.

Виктор Степанович поднял голову. В глазах мелькнуло что-то — удивление, или тревога.

— Твою сестру? — переспросил он. — Ты знаешь, что она твоя сестра?

— Догадываюсь.

Он кивнул, помолчал.

— Она уехала из Твери. Я слышал, что в Москву, но не знаю точно. Может, она не хочет, чтобы её нашли.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Она видела смерть матери. Это оставляет след. Особенно если ты ребёнок.

Виктор Степанович встал, подошёл к плите, налил ещё кипятка в кружку. Вера смотрела на его спину. Широкою, чуть сгорбленную. На руки, которые держали чайник — спокойные, уверенные.

И вдруг он замер.

Поставил чайник, прислушался. Голова повернута к стене.

— Слышите? — сказал он тихо.

Вера замерла. Сначала она ничего не слышала. Только тиканье часов. Потом — из стены донёлся звук. Короткий, глухой. *Тук. Пауза. Тук-тук.*

Короткий-длинный.

Виктор Степанович повернулся, подошёл к стене, приложил ладонь к обоям. Постучал в ответ: три удара, пауза, два. Стук затих.

Вера смотрела, как он стоит у стены, слушает, касается обоев кончиками пальцев. Он был спокоен, как будто это происходило каждый день.

— Трубы, — сказал он, повернувшись. — Старый дом. Вода перекачивается, стучит. Вечно что-то гудит.

Он улыбнулся. Но улыбка была холодной, и глаз она не касалась.

— Вы часто это слышите? — спросила Вера.

— Каждый день. Особенно ночью. Трубы старые, весь дом стучит. Не обращайтесь внимания. Привыкнете.

Он вернулся на своё место, сел, поднял кружку.

— Вы не пьёте чай, — заметил он.

Вера посмотрела на свою кружку. Чай остыл, поверхность покрылась плёнкой. Она не сделала ни глотка.

— Я пойду, — сказала она, вставая. — Спасибо за чай и за разговор.

Виктор Степанович тоже встал, проводил её до двери.

— Заходите, если что, — сказал он. — Я всегда здесь. Дверь открыта.

Вера вышла в коридор. Дверь за ней закрылась, щёлкнул замок. Она стояла на лестничной клетке, смотрела на дверь, на табличку с его фамилией.

Она поднялась на третий этаж, зашла в свою квартиру. Закрылась, задвинула засов, села на пол у стены. Смотрела на трещину, на обои, на вмятину.

И вдруг услышала стук.

Из стены. Короткий-длинный. Тот же самый.

Вера замерла. Сердце забилося.

Она приложила ладонь к стене. Стук повторился. Два коротких, пауза, один длинный. Короткий-короткий-длинный.

Она не знала, что это значит. Но знала: кто-то был там. И он стучал ей.

Вера встала, подошла к стене, прижалась к ней всем телом.

— Кто ты? — прошептала она.

Стук стих. Тишина.

Она ждала. Стук не вернулся.

Но она знала — он вернётся. Ночью.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.